

Содержание

Артем Трофимов. Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича)	223
Хэн Фу. «Энхиридион» Эпиктета: переводы А. Д. Кантемира и Г. А. Полетики	239
Мария Начинкова. Записки Бориса Райского и роман И. А. Гончарова «Обрыв»	248
Алексей Балакин. Вокруг завещания И. А. Гончарова	264
Мария Асташенкова. Сборник М. В. Крестовской «Уголки театрального мирка» как пример русской театральной прозы 1880-х годов.	288
Анастасия Полумордвинова. Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент»	302
Дмитрий Зайцев. Натуралистический нарратив о неврастении и дегенерации и русский символистский роман: О влиянии сборника А. В. Амфитеатрова «Психопаты» на роман Ф. Сологуба «Мелкий бес»	320
Андрей Устинов. Мстислав Добужинский и русская кабаре-культура: Антрепризы Бориса Пронина I. «Привал комедиантов» в Петрограде	331
II. «Странствующий энтузиаст» в Москве.	363
Дмитрий Цыганов. От культа Ленина к культу Сталина: Стратегии деперсонификации ленинского образа в некрологической лирике в связи с его вытеснением сталинским quasi-мифом	384
Анастасия Христенко. О природе визуального кода в романе Ю. К. Олеши «Зависть»	404
Максим Щавлинский. «Жизнь Арсеньева» и «Жизнь Бунина» как способ сознательной спекуляции на биографии	423
Екатерина Буханова. Судьба текста в романе А. Битова «Преподаватель симметрии»	437
Анастасия Именных. Два варианта романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»: К истории публикации	451
Указатель имен	463
Содержание шестнадцатого тома	479

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. С. Пахомова (редактор), А. Ю. Балакин,
Е. А. Глуховская, О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ISSN 2587-8190

2020 XVI (3-4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020

© «Летняя школа по русской литературе», 2020

Contents

Artyom Trofimov. Composition features of the panegyrics in honour of the Victory at Poltava (based on Stefan Yavorsky's and Feofan Prokopovich's works)	223
Heng Fu. <i>Enchiridion</i> of Epictetus: Translations of Antiochus Cantemir and Grigorij Poletika	239
Mariia Nachinkova. Boris Rayskiy's sketches and Ivan Goncharov's novel <i>The Precipice</i>	248
Alexey Balakin. Notes on Ivan Goncharov's Testament.	264
Mariya Astashenkova. M. Krestovskaya's digest <i>Corners of the Theatrical World</i> as an example of Russian theatrical prose of the 1880's.	288
Anastasia Polumordvinova. Love as a game, love as a fate and love as a death in Valery Bryusov's lyrical novel <i>Decadent</i>	302
Dmitry Zaytsev. Naturalist narrative about neurasthenia and degeneration and the Russian symbolist novel: Influence of the A. V. Amfiteatrov's collection <i>Psychopaths</i> on Fyodor Sologub's novel <i>The Petty Demon</i>	320
Andrei Ustinov. Mstislav Dobuzhinsky and the Russian Cabaret Culture I. <i>The Comedians' Camp</i> in Petrograd	331
II. <i>The Peripatetic Enthusiast</i> in Moscow	363
Dmitry Tsyganov. From the «Lenin» cult to the «Stalin» cult: Strategies of depersonificating the image of Lenin in obituary poetry due to its later elimination by the Stalin quasi-myth	384
Anastasiia Khristenko. The nature of the visual code in Yury Olesha's novel <i>Envy</i>	404
Maxim Shavlinsky. <i>The Life of Arseniev and The Life of Bunin</i> as a way of deliberate speculate on biography	423
Ekaterina Bukhanova. The fate of the text in Andrey Bitov's novel <i>The Teacher of Symmetry</i>	437
Anastasiia Imennykh. Two versions of Victor Astafiev's novel <i>Damned and Killed</i> : Notes on the publication history.	451
Index	463
Content of the volume	479

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ДМИТРИЙ ЗАЙЦЕВ
(Москва)

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ О НЕВРАСТЕНИИ И ДЕГЕНЕРАЦИИ И РУССКИЙ СИМВОЛИСТСКИЙ РОМАН

*О влиянии сборника А. В. Амфитеатрова «Психопаты»
на роман Ф. Сологуба «Мелкий бес»*

Статья посвящена анализу взаимосвязей традиции литературного натурализма и русского символистского романа. Как мы покажем, роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» создавался под влиянием натуралистического нарратива о неврастении и дегенерации, в качестве примера которого выбран сборник рассказов А. В. Амфитеатрова «Психопаты».

Ключевые слова: натурализм, символизм, неврастения, дегенерация, Ф. Сологуб, А. В. Амфитеатров.

Информация об авторе: Дмитрий Вадимович Зайцев, студент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва Россия.

E-mail: d_zaiczev@mail.ru

Naturalist narrative about neurasthenia and degeneration and the Russian symbolist novel

*Influence of the A. V. Amfiteatrov's collection Psychopaths
on Fyodor Sologub's novel The Petty Demon*

The article is devoted to an analysis of the relationship between the tradition of literary naturalism and the Russian symbolist novel. As will be seen, the novel *The Petty Demon* by F. Sologub was created under the influence of the naturalist narrative about neurasthenia and degeneration. As an example of such a naturalist narrative, the collection of short stories by A. V. Amfiteatrov *Psychopaths* was chosen.

Keywords: naturalism, symbolism, neurasthenia, degeneration, F. Sologub, A. V. Amfiteatrov.

About the author: Dmitry Zaytsev, student at Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: d_zaiczev@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2020-3-4-320-330

В советском и постсоветском литературоведении натурализм как художественный язык и совокупность эстетико-мировоззренческих принципов подвергался осуждению.¹ Даже сегодня о натурализме часто говорят как о чем-то неполноценном и второстепенном, в академическом сообществе до сих пор существует инерция восприятия этого явления.² Однако без новаций натурализма трудно представить развитие культурного процесса XX века. Именно это направление стало переходным и соединило классический тип письма с неклассичностью модернизма. И если не принимать в расчет идеологизированные обвинения в «неуменьше выделить ведущие тенденции в жизненном процессе»,³ натурализм все-таки несводим ни к изображению «темных» сторон жизни, ни к эротизму и телесности, ни к региональному бытописанию.

Ядром натурализма является естественность, «биологизм», его объект — посюсторонний человек, поэтому писатели делают акценты на наследственности, семейственности, социальном окружении человека.⁴ Человек в мире

¹ См., например: «Буржуазно-дворянский реализм конца XIX века пришел в состояние большой узости и ограниченности. Его познавательная ценность понизилась. <...> Вместо отражения существенных типических процессов жизни, писатель кропотливо копался в мелочах и психологических оттенках, любовно обсасывая каждую малозначительную деталь. <...> Детализация описания явилась существенным элементом натуралистического стиля, стремившегося поставить художественный эксперимент над жизнью с аккуратностью и кропотливой добросовестностью ученого. Документация и детализация должны были компенсировать недостающее понимание целого, неуменьше выделить ведущие тенденции в жизненном процессе» (Линин А. М. К истории буржуазного стиля в русской литературе: (Творчество П. Д. Боборыкина). Ростов-на-Дону, 1935. С. 51).

² Это видно уже по тому, как построены историко-литературные курсы в университетах и сколь незначительное место в них уделяется проблеме русского натурализма.

³ Линин А. М. К истории буржуазного стиля в русской литературе. С. 51

⁴ Выделим наиболее важные для нас исследования русского натурализма: *Иезутова Л. А.* О «натуралистическом» романе в русской литературе конца XIX — начала XX века (П. Д. Боборыкин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. В. Амфитеатров) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 228–265; *Толмачев В. М.* От романтизма к романтизму: Американский роман 1920-х годов и проблема романтической культуры. М., 1997; *Катаев В. Б.* 1) Натурализм на фоне реализма (О русской прозе рубежа XIX–XX веков) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 1. С. 31–53; 2) Повествовательные модели в прозе русского натурализма (1890-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 2. С. 7–18; *Николози Р.* Вырождение: Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века / Пер. с нем. Н. Ставрогиной. М., 2019.

натурализма инкорпорирован в социум, семью, трудовую деятельность, эротику. Индивидуальная человеческая воля неизбежно вступает в конфликт с «биологическим» роком, который понимается и идейно (Т. Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», 1891 год), и творчески (Э. Золя «Творчество», 1886 год), и социально (Э. Золя «Ругон-Маккары», 1871–1893 годы), и физиологически (А. В. Амфитеатров «Психопаты», 1893 год).

В России натурализм развивался в два этапа.¹ На первом (1860–1870-е годы) его развитие проходило под непосредственным влиянием французского романа о вырождении (важно, что дискурс о вырождении в России имеет изначально литературное происхождение, а не проник в литературу через психиатрию, как в Европе). Повествовательные открытия Э. Золя воспринимаются М. Е. Салтыковым (Н. Щедриным) («Господа Головлевы», 1880), Н. С. Лесковым («Захудалый род», 1874) и др. «Экспериментальный» аспект романа о вырождении² ставят под сомнение и пересмыслиют Ф. М. Достоевский («Братья Карамазовы», 1880) и Д. Н. Мамин-Сибиряк («Приваловские миллионы», 1883). По точному замечанию Р. Николози, в России складывается «контрэкспериментальный» роман, «в основу которого положена контрфактуальная структура аргументации по принципу *reductio ad absurdum*. <...> Эта специфическая русская форма романа о вырождении интерпретируется как дальнейшее развитие повествовательной техники, свойственной тенденциозной прозе 1860–1870-х годов».³

На втором этапе (с 1880-х годов) в некоторых литературных произведениях возникает тенденция к сближению с психиатрией (романы Ф. М. Достоевского и др.⁴): нарратив

¹ Концептуальная рамка для подобной периодизации представлена в монографии Р. Николози: *Николози Р. Вырождение: Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века / Пер. с нем. Н. Ставрогинной. М., 2019.*

² Подробнее см.: *Золя Э. Экспериментальный роман // Собр. соч.: В 26 т. М., 1966. Т. 24. С. 239–280.*

³ *Николози Р. Вырождение... С. 10.*

⁴ Подробнее см.: *Сироткина И. Е. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века / Пер. с англ. авт. М., 2008. (Глава 2: Достоевский: От эпилепсии к прогенерации).*

о дегенерации, характерный для Золя и его последователей, соединяется с концепцией неврастении Дж. М. Бирда и отечественными биомедицинскими дискурсами (П. И. Ковалевский, В. Ф. Чиж и др.). Неврастения, изначально понимаемая как истощение нервной системы вследствие ускорения современной жизни, не только становится симптомом деградации отдельно взятого человека, но и влияет на конфигурацию русской культуры конца XIX века. Во многом поэтому модернизм определяют как «нервный век».¹

Модернистская (прежде всего символистская) традиция изображения душевной жизни неврастеников имеет общие дискурсивные корни с натуралистической повествовательной схемой индивидуальных дегенеративных отклонений. И роман Ф. Сологуба «Мелкий бес», как мы считаем, создавался под решающим влиянием характерного для натуралистического письма неврастенического дискурса, примером которого является сборник рассказов А. В. Амфитеатрова «Психопаты» (1893). Выбор произведения Амфитеатрова мотивирован разнообразием представленного в нем «неврастенического» опыта. Схожие нарративные решения, безусловно, могут быть обнаружены и у других современных ему писателей-натуралистов (например, повесть И. И. Ясинского «Старый сад», 1883; роман П. Д. Боборыкина «Из новых», 1887).

Писатели-символисты радикальным образом переосмыслили взгляд на сознание героя, отказались от его реалистической мотивировки и усилили субъективные факторы.² А. Белый в романе «Петербург» (1913, 1922) определил это понятие «мозговая игра». Согласно его теории, в глубинах сознания человека идет процесс переворачивания смыслов: они выплескиваются из пределов человеческой психики и становятся сущностью этого мира. Петербург у Белого не является объективно существующим городом — это гротескное преломление мозговых игр разных людей.

¹ Крафт-Эбинг Р. ф. Наш нервный век: Популярное сочинение о здоровых и больных нервах. 4-е изд., доп. СПб., 1898 (обл. 1897). С. 5–17.

² Выделим несколько важных для нас работ, посвященных русскому символизму: Пайман А. История русского символизма / Авторизированный пер. с англ. В. В. Исакович. М., 2000; Колобаева Л. А. Русский символизм. М., 2000.

В романе Сологуба «Мелкий бес» воспроизводятся многие сюжетные ходы и темы, на которых строился традиционный социально-бытовой роман: изображение ограниченности провинции, сатира на интеллигенцию, тема маленького человека в разных ее вариантах (очевидные параллели с произведениями Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), А. П. Чехова). Но реальность становится для главного героя романа источником бредовых, галлюцинаторных состояний. Личность провинциального учителя Передонова предстает как иррациональное средоточие навязчивых идей, комплексов, неврозов, которые определяют цепь поступков героя. Его одержимость бесом (испортил обои, украл изюм, издевался над котом¹) постепенно начинает усиливаться и заполнять всю сюжетную панораму (доходя до убийства). Романский нарратив, таким образом, строится по дегенеративной модели.

Эту схему индивидуальных дегенеративных отклонений символизм позаимствовал у натурализма, который к тому времени уже выработал и опробовал необходимые дискурсивные средства. Так, в рассказах сборника «Психопаты» Амфитеатров разрабатывает стадии такого неврастенического помешательства: от подозрительности и фобий (неврастенические состояния героев в рассказах «Сказка темной ночи», «Сон на яву») до монomanии (одержимость возлюбленной в рассказе «После дуэли», желание героини «Обожания» угодить любыми способами старшей подруге Липе), навязчивого страха (страх раскрытия содеянного у героя рассказа «Казнь») и, наконец, патологического сумасшествия (рассказы «Брат и сестра», «Казнь», «Разрыв»). В рассказе «Брат и сестра» Анфиса Даниловна после смерти своего брата, Ивана Даниловича, «взяла себе привычку сидеть у дверей его кабинета»: ² она никого туда не впускает, весь смысл ее

¹ Манипуляции Передонова с котом, как пишет М. М. Павлова, схожи с отдельными эпизодами в «Терезе Ракен» Золя. Подробнее см.: Павлова М. М. Преодолевающий золаизм, или Русское отражение французского символизма: (Ранняя проза Ф. Сологуба в свете «экспериментального метода») // Русская литература. 2002. № 1. С. 217.

² Амфитеатров А. В. Брат и сестра // Амфитеатров А. В. Психопаты: Правда и вымысел: Рассказы. М., 1893. С. 82.

жизни свелся к существованию возле кровати умершего. Постепенно она угасает и сходит с ума в ожидании «возвращения» брата.

В другом рассказе, «Казнь», перед читателем раскрывается история психически больного: он убивает свою жену Евгению ради новой возлюбленной, но в сознании героя эти девушки смешиваются, и он в состоянии безумия расправляется и с любовницей Верой. В рассказе «Разрыв» мы встречаем возможный литературный прототип гимназического учителя Передонова. Иван Карпович Тишенко, озлобленный на весь мир старик, напоминает своим характером героя Сологуба: «[Он] сидел на кровати <...> и залился — беспричинно, тяжело, надуту, как умеют злиться только полнокровные и с дурным пищеварением люди, когда доспят до прилива к крови. Его раздражало — то, зачем он так долго спал, то, зачем его разбудили».¹ На почве этого озлобления он сходит с ума и, подобно Передонову, убивает близкого человека.

Все эти признаки нарратива о дегенерации характерны и для изображения психического распада личности в романе «Мелкий бес»: боязнь кажимостей («Может быть, сзади идет себе тишком какой-нибудь соглядатай, или за углом, за деревом тaitся кто-нибудь и наблюдает»²), маниакальная одержимость повышением в должности («„Вот я буду инспектором. Вы тут киснуть будете, а у меня под началом два уезда будут. А то и три. Ого-го!“ Он совсем уверился, что в самом скором времени получит инспекторское место» (с. 172)), навязчивой подмены себя другим («Затем, запершись в спальне, он решил наметить себя, чтобы Володин не мог подменить его собою. На груди, на животе, на локтях, еще на разных местах намазал он чернилами букву „П“» (с. 180)).

Другая важная составляющая романного движения у Сологуба — деструктивное начало. Само сознание Передонова

¹ Амфитеатров А. В. Разрыв // Амфитеатров А. В. Психопаты... С. 89.

² Сологуб Ф. Мелкий бес / Подг. текста, сост., комм. М. М. Павловой. СПб, 2004. С. 90 («Литературные памятники»). Далее роман цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках в тексте.

заключает в себе колоссальный заряд агрессии, направленной на разрушение действительности и дающей реальности статус кажимости. Эта деструктивная оптика уходит своими корнями в криминально-антропологические теории, популярные на рубеже веков (Ч. Ломброзо, Д. А. Дриль и др.). Первым в русской литературе их воспринимает натуралистический дискурс о вырождении, исследуя взаимосвязь преступности, безумия и зла (например, сборник Д. Н. Мамина-Сибиряка «Преступники», 1902). Таким образом, символистское понимание деструктивного в человеческом сознании подготовлено и обусловлено, с одной стороны, специальными криминологическими исследованиями, а с другой — проблематизацией зла в непосредственно предшествующей ему натуралистической прозе.

Внешне произведение Сологуба следует интриге и приемам, на которых строилась классическая проза: «футлярное» существование Передонова, боязнь жизни и сосредоточенность на сверхидее напоминают Беликова из рассказа Чехова; хождение по городским начальникам структурно схоже с «помещичьими» главами «Мертвых душ» Гоголя и т. д. Но буквально на глазах реальность в тексте разлагается: подмигивает портрет А. Мицкевича, ухмыляются карты, кот оборачивается человеком, и, конечно, «недотыкомка, дымная, синеватая» (с. 172), словно фантом, преследует Передонова и губит его. Мир все больше начинает восприниматься как кажимость, сама категория реальности размывается. Что есть реальность — внешний мир или фантазмагии, бреды и мистические ведения поврежденного сознания? Граница между болезненным и здоровым у Сологуба стирается. Индивидуальные миры героев складываются не из реальных фактов, а из иррациональных сущностей и болезненных игр их воображения, которые формируют иную реальность.

На страницах сборника Амфитеатрова также часто описываются галлюцинации, иллюзии и призраки: в рассказе «Он» героиня каждую ночь видит загадочное существо в образе мужчины, которое в финале сводит ее с ума; в «Сказке темной ночи» к наследнику богатого имения Вергину приходит сначала таинственный дух, а после он видит свою умершую жену; в рассказе «Сон на яву» к заблудившемуся

в ночном туманном лесу рассказчику на помощь приходит призрак его брата. Мистические видения становятся первым симптомом психических отклонений героев.

Столкновение человеческого сознания с областью потустороннего вполне характерно и для донатуралистического письма, например, для «таинственных» повестей И. С. Тургенева. Тургеневская мистика возникает на фоне увлечения писателя новейшими (псевдо-) научными идеями (физиологические открытия, спиритизм).¹ Натурализм не открывает фантазмагорическое, а как бы переатрибутирует его: оно перестает быть эманацией потустороннего мира и становится проявлением человеческой психики в разных ее патологиях. Символистское письмо воспринимает таинственное и мистическое во взаимосвязи с психопатологическими теориями эпохи именно посредством подготовившего их натуралистического синтеза.

В «Мелком бесе» золаистский извод натурализма, которому следует Амфитеатров, существенно осложняется. Во-первых, дегенерация показывается в динамике, но совершенно не мотивируется. Во-вторых, в повествование вплетается гротеск, который несвойственен натуралистическому письму (сцена выбора сестер Рутиловых; гротескный образ Володина). Наконец, возникающая в романе мистика лишь частично объясняется позитивистски (недотыкомка появляется во время обедни, но ее появление подготовлено — ранее Передонов жалуется, что плохо переносит запах ладана). И во всех этих кажимостях прозревается мистическое, «Сологуб верил в присутствие в мире тайны — иррациональных стихийных сил, во власти которых пребывает душа человека».² Эти таинственные видения одновременно и символические знаки, и реалистически мотивированные галлюцинации.

¹ Подробнее о «Таинственных повестях» см.: Пумпянский Л. В. Группа «таинственных повестей» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чудаков; Сост. Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. М., 2000. С. 448–463 («Язык. Семиотика. Культура»); Вдовин А. В. Тургенев между мистикой и наукой // Тургенев И. Таинственные повести и рассказы / Сост. А. В. Вдовин, А. С. Федотов. М., 2019. С. 17–39.

² Павлова М. М. Преодолевающий золаизм... С. 215.

Фантасмагорические образы в классической литературе носили подчиненный характер, являясь неким кодом для понимания действительности: например, сон Татьяны Лариной передает психологическое состояние героини и предвосхищает дальнейшее развитие действий. Натуралисты создали такую модель художественного мира, «в котором воспринимаемая действительность представляет собой лишь уровень манифестации по отношению к изначальному уровню биологического обоснования».¹ Символизм обратно переосмысляет натуралистическое: писатели-символисты внешне принимают натуралистические концепции, но, не отказываясь видеть в «биологическом» мистику, они искусно играют с традицией предшественников. Они используют приемы натуралистов, но радикально переосмысляют их: психопатологическое теперь открывает мистические глубины, а действительность ставится под сомнение и даже отрицается. Псевдореальность, порожденная больным сознанием, вытесняет реальность и полностью перестает соответствовать традиционным социальным и психологическим мотивировкам. В финале романа Сологуба мир реальных людей оказывается на периферии, а фантасмагории начинают управлять действительностью (возникают уже чисто модернистские приемы экспрессионистского письма, основанные на деформации мира и разрушении реальности).

Таким образом, в сборнике рассказов Амфитеатрова «Психопаты», типичном примере натуралистической традиции, исследуется пограничное состояние между неврастенией и безумием. Писатель для его репрезентации на дискурсивном уровне использует модель дегенерации, а на уровне сюжета и образов — деструктивное и фантасмагорическое начала. На Сологуба в целом повлияли натуралистические стратегии, и он взял за основу «Мелкого беса» именно этот литературный фундамент. Создавая свой сложный роман-мистификацию,² писатель, с одной стороны, осложнил натуралистическую традицию, а с другой — травестировал ее.

¹ *Николози Р.* Вырождение... С. 32.

² Сологуб часто намеренно путал даты написания своих стихотворений, полагая, что сама категория времени — фикция человеческого сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вдовин А. В.* Тургенев между мистикой и наукой // Тургенев И. Таинственные повести и рассказы / Сост. А. В. Вдовин, А. С. Федотов. М., 2019. С. 17–39.
2. *Иезуитова Л. А.* О «натуралистическом» романе в русской литературе конца XIX — начала XX века (П. Д. Боборыкин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. В. Амфитеатров) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 228–265.
3. *Катаев В. Б.* Натурализм на фоне реализма (О русской прозе рубежа XIX–XX веков) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 1. С. 31–53.
4. *Катаев В. Б.* Повествовательные модели в прозе русского натурализма (1890-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 2. С. 7–18.
5. *Колобаева Л. А.* Русский символизм. М., 2000.
6. *Линин А. М.* К истории буржуазного стиля в русской литературе: (Творчество П. Д. Боборыкина). Ростов-на-Дону, 1935.
7. *Николози Р.* Вырождение: Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века / Пер. с нем. Н. Ставрогиной. М., 2019.
8. *Павлова М. М.* Преодолевающий золаизм, или Русское отражение французского символизма: (Ранняя проза Ф. Сологуба в свете «экспериментального метода») // Русская литература. 2002. № 1. С. 211–221.
9. *Пайман А.* История русского символизма / Авторизированный пер. с англ. В. В. Исакович. М., 2000.
10. *Пумпянский Л. В.* Группа «таинственных повестей» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А. П. Чудаков; Сост. Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. М., 2000. С. 448–464.
11. *Сироткина И. Е.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века / Пер. с англ. автора. М., 2008.
12. *Толмачев В. М.* От романтизма к романтизму: Американский роман 1920-х годов и проблема романтической культуры. М., 1997.

REFERENCES

1. *Iezuitova L. A.* O «naturalisticheskom» romane v russkoj literature konca XIX — nachala XX veka (P. D. Boborykin, D. N. Mamin-Sibiryak, A. V. Amfiteatrov) // Problemy poetiki russkogo realizma XIX veka. L., 1984. P. 228–265. (In Russ.)

2. *Kataev V. B.* Naturalizm na fone realizma (O russskoj proze rubezha XIX–XX vekov) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2000. № 1. P. 31–53. (In Russ.)
3. *Kataev V. B.* Povestvovatel'nye modeli v proze russkogo naturalizma (1890-e gody) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2000. № 2. P. 7–18. (In Russ.)
4. *Kolobaeva L. A.* Russkij simvolizm. M., 2000. (In Russ.)
5. *Linin A. M.* K istorii burzhuaznogo stilya v russskoj literature: (Tvorchestvo P. D. Boborykina). Rostov-na-Donu, 1935. (In Russ.)
6. *Nikolozì R.* Vyrozhdenie: Literatura i psixiatriya v russskoj kul'ture konca XIX veka / Per. s nem. N. Stavroginoj. M., 2019. (In Russ.)
7. *Pajman A.* Istoriya russkogo simvolizma / Avtorizirovannyj per. s angl. V. V. Isakovich. M., 2000. (In Russ.)
8. *Pavlova M. M.* Preodolevayushchij zolaizm, ili Russkoe otrazhenie francuzskogo simvolizma: (Rannyaya proza F. Sologuba v svete «eksperimental'nogo metoda») // Russkaya literatura. 2002. № 1. P. 211–221. (In Russ.)
9. *Pumpyanskij L. V.* Gruppya «tainstvennykh povestej» // Pumpyanskij L. V. Klassicheskaya tradiciya: Sbranie trudov po istorii russskoj literatury / Otv. red. A. P. Chudakov; Sost. E. M. Isserlin, N. I. Nikolaev; Vstup. st., podgot. teksta i primech. N. I. Nikolaeva. M., 2000. P. 448–464. (In Russ.)
10. *Sirotkina I. E.* Klassiki i psixiatriy: Psixiatriya v rossijskoj kul'ture konca XIX — nachala XX veka / Per. s angl. avtora. M., 2008. (In Russ.)
11. *Tolmachev V. M.* Ot romantizma k romantizmu: Amerikanskij roman 1920-kh godov i problema romanticheskoy kul'tury. M., 1997. (In Russ.)
12. *Vdovin A. V.* Turgenev mezhdú mistikoj i naukoy // Turgenev I. Tainstvennyye povesti i rasskazy / Sost. A. V. Vdovin, A. S. Fedotov. M., 2019. P. 17–39. (In Russ.)